

А.И. Колесников

МУСУЛЬМАНСКИЕ АРАБИЗМЫ В ПОЗДНИХ ЗОРОАСТРИЙСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

С таким явлением исследователь сталкивается всегда при чтении зороастрийских сочинений, составленных на новоперсидском, иначе – персидском классическом языке, и датируемых XII–XVI вв. Р.Х. В нашем случае мы апеллируем к примерам из четырех зороастрийских трактатов, включенных в состав рукописного Сборника С 1869 из собрания Института восточных рукописей РАН¹. Рукопись дефектна, последние листы утрачены, поэтому обязательный колофон в конце отсутствует. По косвенным признакам ее можно датировать XVI–XVII вв. Под косвенными признаками имеются в виду даты переписки двух сочинений, упомянутые внутри Сборника.

Сборник включает более десятка больших и малых произведений, из которых часть составляют переводы и переложения со среднеперсидского текста (его новоперсидские версии), другую часть – оригинальные новоперсидские тексты зороастрийского содержания. Для сочинений эпистолярного жанра характерно цитирование больших отрывков авестийского текста неогласованной арабской графикой, что значительно затрудняет его понимание из-за отсутствия в арабском письме знаков для передачи кратких гласных и некоторых согласных.

Мы остановили свой выбор на четырех сочинениях, примечательных с точки зрения присутствия в них арабизмов. Кратко анализируем их в той последовательности, в какой они располагаются в рукописи:

1) *Ōāmāsp-nāme* («Книга о Джамаспе») – вольный прозаический пересказ одноименной пехлевийской и пазендской версий сочинения, повествующего о предсказаниях придворного мудреца Джамаспа относительно грядущих событий в Иране и судьбах зороастризма [С 1869, л. 1а–12б]. Не датирована.

2) *Ardā-Wīrāf-nāme* («Книга о праведном Вирафе») – новоперсидская версия одноименного пехлевийского сочинения, датируемого эпохой поздних Сасанидов (VI–VII вв.). Судя по отметке в конце текста, она завершена в I пол. XVI в., точнее – 24 июля 1527 г. или 24 июля 1547 г.² Содержание «Книги» составляет рассказ зороастрийца о странствии его души в потусторонний мир, о посещении ею Рая и Ада [С 1869, л. 130б–153б].

3) *Šāyast-nāšāyast* («Можно – нельзя», или «О том, как следует и как не следует поступать») – сборник зороастрийских преданий, популярно излагающий космогонию, эсхатологию, этические предписания и запреты, традиции и литургию [С 1869, л. 155б–215б]. Начальные главы о сотворении мира и творческой деятельности верховного божества Ормазда тематически перекликаются с пехлевийской версией Бундахишна. На основании этого ученые парсы в Индии дали сочинению параллельное название *Saddar Bundaheš* («Стоглав Бундахишн»). В Бомбейском издании новоперсидского текста действительно выделены сто глав, каждая из которых посвящается отдельной теме [Dhabhar 1909, XXVII–XXXI]. Точная дата переложения текста с пехлевийского оригинала неизвестна, но, вероятно, она относится к первой половине XVI в.

4) *Dāstān-e Anūšīrwān-e ‘ādel* («Сказание об Ануширване Справедливом») – оригинальное сочинение на новоперсидском языке, датируемое по косвенным признакам не ранее XI в.³ [С 1869, л. 114б–128а]. Формальной особенностью, выделяющей «Сказание» среди других зороастрийских сочинений в Сборнике, является деление его на три части, разные по содержанию, но тематически связанные с личностью великого реформатора. Первая часть – это описание действующего храмового ком-

плекса в Парсе, типологически близкое к описанию развалин Персеполя в археологическом труде Уилбера [Уилбер 1977, 6, 33–38]. Вторая часть включает рассказ о взаимоотношениях «Ануширвана Справедливого» со своими советниками из ближайшего окружения. Третья – представляет легенду о посещении халифом Ма’муном (813–833) гробницы Ануширвана.

Первые три сочинения из перечисленных выше учтены в Очерке пехлевийской литературы Э. Веста [West 1896–1904, 123–125], четвертому посвящен небольшой экскурс в Сборнике персидских ривайатов Э.Б. Дхабхара [Dhabhar 1932, 585–586]. Объем четырех привлеченных текстов занимает в рукописи 110 листов, или ок. половины Сборника С 1869.

Численность и разновидность арабизмов в персоязычных зороастрийских сочинениях варьируют от текста к тексту. Рассмотрим их своеобразие в каждом произведении отдельно.

Все арабизмы, отмеченные в *Ōāmāspnāte*, можно разделить на три группы:

а) Арабские заимствования нейтрально-го типа, т.е. без каких-либо мусульманских аллюзий. Такие заимствованные слова хорошо известны по сочинениям мусульманских авторов XI–XII вв., писавших на новоперсидском, а в зороастрийский трактат они включены для оживления скучного повествования. Часто они цитируются здесь парами. Вот несколько примеров:

haṣṣ wa ‘āmm («аристократия и просто-народье»),

gasm wa ‘ādat («правила и обычаи»),

sīrat wa e‘teqād («образ жизни и убеждения»),

ḥaqq wa ḥormat («справедливость и достоинство»),

hoṣūmat wa xeḷāf («враждебность и противодействие»),

‘adl wa ensāf («закон и правосудие»).

В тексте «Книги о Джамаспе» мы насчитали около сорока таких парных сочетаний, которые иногда можно рассматривать как синонимы.

б) Вторую группу заимствований представляют арабские понятия, поясняемые

иранскими синонимами; иногда иранские понятия поясняются арабскими синонимами. Например:

qeyāmat ya‘nī rastāxīz («воскрешение мертвых» в арабском и иранском вариантах),

rastāxīz ya‘nī qeyāmat (то же значение в иранском и арабском),

banāt an-na‘š ya‘nī haftūreng (арабское название Большой Медведицы и его персидский синоним).

Встречаются также парные сочетания из арабского и персидского слов синонимического ряда, в которых пояснение «то есть» (*ya‘nī*) отсутствует. К ним относятся *gasm wa āyīn* («правила и обычаи»), *nešān wa ‘alāmat* («знамение времени» в персидской и арабской составляющих) и другие. Численность подобных синонимических пар достигает десяти.

в) Арабо-мусульманские клише в качестве обязательной атрибутики верховного зороастрийского божества. Как увидим ниже, символика разных конфессий весьма гармонично сочетается в одной фразе:

xodā-ye ta‘ālā («Бог Всевышний»),

xodā-ye ta‘ālā raḥmat (вар-т: *baḥšāyeš*) *konad* («Да помилует его Бог Всевышний»),

īzad-e ‘azza wa èalla // *xodā-ye ‘azza wa èalla* («Бог Всесильный и Всеславный»),

īzad, ‘azza wa èalla esmuhu («Бог, да будет имя Его всесильно и всеславно»),

xwāst wa farmān-e īzad-e sobḥāne-ye ta‘ālā bāšad («Да сбудется воля и повеление Бога Всевышнего, хвала Ему»),

ba elhām-e īzadī («по Божественному откровению»),

dīn-e ḥaqq («истинная вера»).

Встречаются в этом тексте и чисто мусульманские понятия, помещенные в зороастрийскую среду: *kāfer* («неверный»), *zāhed* («отшельник»), шейх и проч.

Численность отмеченных здесь оригинальных сочетаний достигает двух десятков. Вершиной оригинальности стало чисто мусульманское славословие, вложенное в уста зороастрийского мудреца и предсказателя Джамаспа: *wa al-‘elm al-ḡayb ‘enda allāhi ta‘ālā* («Истинно, только Аллах Всевышний ведает о сокрытом»).

* * *

Новоперсидская версия *Ardā-Wīrāf-nāme* включает те же три группы арабских заимствований, только численное соотношение между группами несколько иное. В этом сочинении совсем немного арабизмов нейтрального типа (группа «а»), умеренное количество арабо-мусульманских клише рядом с обозначением зороастрийского бога (в сочетаниях *īzad-e ta'ālā*, *xodāye ta'allā*, *īzad-e 'azza wa èalla* – группа «в») и богатая арабо-персидская синонимия мусульманского и немусульманского свойства (группа «б»). Вот несколько примеров:

mazhabhā wa kīshā («учения и верования»),
ašamōgān wa munāfiqān («еретики и лицемеры»),
salām wa dogūd (арабо-мусульманское и сугубо иранское приветствия),
šafaqat wa mehrebānī («сострадание и милосердие»),
'ahd wa raymān («соглашение и договор»),
'ādel wa dāddeh («справедливый и правосудный» – арабский и персидский синонимы судь).

Обилие синонимии в новоперсидском тексте «Книги о праведном Вирафе» делает его более привлекательным для образованного читателя, владеющего отлично не только родным языком, но и многочисленными заимствованиями из арабского.

* * *

Единственная, хоть и часто повторяющаяся исламская атрибуция зороастрийского божества в новоперсидской версии *Šayast-nāšāyast* присутствует в выражении *īzad-e ta'ālā* («Бог Всевышний»). Это мусульманское клише уравнивается зороастрийским эквивалентом *dādār Ormazd* («Творец Вселенной Ормазд»). Последняя формула используется исключительно в обращениях Зороастра и души Кересаспа к верховному божеству. Многочисленные арабские заимствования в Стоглаве лишены отчетливой мусульманской окраски и относятся к заимствованиям нейтрального типа. Они встречаются в смешанной арабо-персидской синонимии, в идиоматических оборотах, наречиях, отыменных глаголах и т.д. В синонимиче-

ских парах обе составляющие (персидская и арабская) равноправны, и само наличие этих пар усиливает впечатление от действия или состояния, что видно из следующих примеров:

'oqūbat wa pādefrāh («наказание и наказание»),

èang wa xošumat wa kīne wa ta'aššob («война и враждебность, месть и фанатизм»),

xerađ wa 'aql wa fahm wa hūš («разум, интеллект» в персидской и арабской терминологии),

qatl wa xūngīzī («убийство и кровопролитие»),

balā wa došwāī («несчастья и лишения») и т.д.

* * *

«Сказание об Ануширване Справедливом» иллюстрирует явные следы компромисса между зороастрийским автором сочинения и его потенциальными мусульманскими читателями путем включения арабо-мусульманских клише в текст «Сказания». Уже вступительная форма словословия, обращенная к верховному божеству, состоит из двух частей евлогии – исламской и зороастрийской:

ba nām-e allāh-e sobhāne wa ta'ālā,
īzad-e baxšāyešgar, mehrebān dādgar
(«Во имя Аллаха Всевышнего, хвала Ему, Бога милосердного, милостивого Творца!»)

Другой пример подобного компромисса проявляется в поведении Абу-л-Хайра, переводчика «*Farroх-nāme*», выражающего надежду, что его труд не окажется напрасным, «если пожелает того Аллах Всевышний, Единственный, Всесильный» (*en šā'a al lāh-e ta'ālā waḥed al-'azīz*). Да и включение в текст «Сказания» легенды о посещении халифом Ма'муном гробницы Ануширвана Справедливого (Хосрова I, 531–579 гг.)⁴ можно считать косвенным свидетельством компромисса приверженцев древней религии с господствующей государственной религией в Иране – исламом.

В центральной части «Сказания», повествующей об отношениях Ануширвана Справедливого со своими придворными,

апелляции к зороастрийскому верховному божеству обычаю сопровождаются мусульманскими эпитетами-клише типа ta'ālā и 'azza wa èalla.

Предварительные заключения:

Создается впечатление, что большинство персоязычных зороастрийских сочинений, написанных в Восточном Иране и Индии в XII–XVI вв., не были дословными переводами со среднеперсидского, но представляли собой вольный пересказ (переложение) оригинальных пехлевийских трактатов. Возможность вольного обращения с текстом допускала массу заимствований из арабского, прочно обо-

сновавшихся в трудах мусульманских авторов, писавших на новоперсидском. Однако объем и интенсивность мусульманских клише в поздних зороастрийских сочинениях зависели от их жанра. Инородных клише больше в преданиях и легендах типа Ôāmāsp-nāme или Dāstān-e Anūšīrwān-e 'ādel, адресованных всем иранцам, включая мусульман. Они ограничены в численности и даже сведены до минимума в канонических произведениях, предназначенных исключительно для исповедующих зороастризм (Šāyast-nāšāyast, Ardā-Wīrāf-nāme).

¹ Первое упоминание о сборнике см. в издании: Акимушкин, Кушев и др., 1964, 544–545. Аналогичные трактаты засвидетельствованы в зороастрийской рукописи Парижской национальной библиотеки [Blochet 1905, 168–169, No. 202].

² В тексте – «во второй день древнего месяца мордада 896 года» (Йездигердской или пост-Йездигердской эры. – А.К.). Не исключено, что здесь указана не дата завершения перевода, а время его переписки из более ранней рукописи. О разночтениях между пехлевийской (оригинальной) и новоперсидской (переводной) версиями пишут много. Из последних публикаций на эту тему см.: Gheiby 2001, 3–16.

³ Предполагаемый автор, упомянутый в первой части «Сказания», умер в I пол. XI в. [Рупка 1959, 216–217; Madelung 1983, 330].

⁴ В позднем сборнике зороастрийских трактатов, составленном для майора Малкольма в XIX в., переписчик связывает легенду с аббасидским халифом Гаруном ар-Рашидом (786–809 гг.), правившим раньше Ма'муна [Rieu 1879, vol. I, 46–53].

ЛИТЕРАТУРА

Рукопись С 1869 Института восточных рукописей РАН (XVI в.).

Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов Д. М., Салахетдинова М. А.

Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог) / Под редакцией Н. Д. Миклухо-Маклая. Ч. 1. Москва, 1964.

Уилбер Д. **Персеполь: Археологические раскопки резиденции персидских царей.** Москва, 1977.

Blochet E. **Catalogue des manuscrits persans.** T. I. Paris, 1905.

Saddar Nasr and Saddar Bundelesh/ Ed. by B.N. Dhabhar. Bombay, 1909.

Dhabhar B.N. **The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others.** Bombay, 1932.

Gheiby B. Ardā Wīrāz Nāmag: Some Critical Remarks // **Nāme-ye Irān-e Bāstān.** Vol. I, No. 1. Spring and Summer 2001.

Junker H.F.J. und Alavi B. **Persisch-deutsches Wörterbuch.** Leipzig, 1965.

Madelung W. Abu'l-Kayr b. al-Kammār // **Encyclopaedia Iranica**/ Ed. by E. Yarshater. Vol. I. London, Boston, Melbourne and Henley, 1983.

Rieu Ch. **Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum.** Vol. I. London, 1879.

Rupka J. **Iranische Literaturgeschichte.** Leipzig, 1959.

West E.W. Pahlavi Literature // **Grundriss der Iranischen Philologie,** herausgegeben von Wilh. Geiger und Ernst Kuhn. Bd. II. Strassburg, 1896–1904.